

Владимир Шигин

Лейтенант
ДМИТРИЙ ИЛЬИН

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ МОРЯКОВ

Жизнь замечательных моряков

Владимир Шигин

Лейтенант Дмитрий Ильин

«Горизонт»

2015

Шигин В. В.

Лейтенант Дмитрий Ильин / В. В. Шигин — «Горизонт»,
2015 — (Жизнь замечательных моряков)

В книге известного писателя-мариниста капитана 1 ранга Владимира Шигина представлены литературно-документальные очерки о жизни и подвигах моряков, участников русско-турецкой войны 1768–1774 годов. История жизни и службы главного героя Чесменской победы, знаменитого лейтенанта Дмитрия Ильина – это история подвигов, подлости и предательства. Национальный герой России был оклеветан недругами, но правда все равно восторжествовала. Отдельные очерки книги посвящены современникам и сослуживцам Д. Ильина: герою штурма Бейрута капитану 2 ранга Кожухов, герою Патрасского сражения капитану 1 ранга Коняеву, создателю Азовской флотилии, ставшей впоследствии основой молодого Черноморского флота, адмиралу А. Сенявину.

© Шигин В. В., 2015

© Горизонт, 2015

Содержание

Герой Чесмы лейтенант Ильин	5
Командир mortarной батареи	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Владимир Шигин

Лейтенант Дмитрий Ильин

Герой Чесмы лейтенант Ильин

*... Как бытто нёс главу Горгоны к ним в руках,
Окамененье им Ильин навёл и страх...*

Михаил Херасков

Сороковые годы восемнадцатого столетия стали периодом полного забвения русского флота. Мало того, что флот практически не пополнялся новыми кораблями, но и старым судам годами не разрешали выходить в море. Жалованье офицерам и матросам не выплачивалось по нескольку лет кряду, жили кто как мог...

Вот как характеризовал службу корабельного офицера тех лет член Адмиралтейств-коллегии адмирал Белосельский: «Понеже служба морская есть многотрудная, охотников же к ней малое число, а ежели, смею донести, никого, то, в самом деле, не без трудности кем будет исправлять морскую службу, понеже в сухопутстве в 3 года офицера доброго получить можно, а морского менее 12 лет достать невозможно». Но моряки на Руси всё равно не переводились. Они приходили на флот и оставались служить на флоте, эти истинные патриоты своего дела, душой и сердцем преданные морю и кораблям.

Год 1762-й ознаменовался приходом к власти Екатерины II. Русский флот возродился. Начиналась эпоха дальних плаваний.

Командир мортирной батареи

Далеко от моря, среди лесов и перелесков Тверской губернии в глухой деревеньке Демидиха в семье отставного петровского поручика Сергея Ильина родился сын, наречённый Дмитрием. Случилось то в 1737 году.

Семья Ильиных жила бедно, едва сводя концы с концами. Отсутствие средств и предопределило судьбу будущего героя. Путь в гвардию и престижные армейские полки ему был заказан. Лихое петровское время давно уже отгремело, и теперь худородных дворян брали только в Морской корпус.

В 1759 году Дмитрий Ильин поступил в морской шляхетный кадетский корпус. Первый чин Ильина кадет, в 1761–1762 годах – гардемарин, с 1763 года – кадетский капрал. В годы учёбы плавал на различных кораблях на Балтике, по окончании корпуса 5 марта 1764 года произведён в мичмана. В послужном списке так охарактеризованы полученные знания в Морском корпусе: «Навигатские науки обучал по регламенту довольную часть артиллерии и фортификации, и рисовать знает».

В 1762 году гардемарин Ильин успешно, в числе первых, оканчивает Морской корпус Балтийского флота. Первые пять лет службы Ильин проводит в непрерывных походах. В «Общем морском списке» – своеобразной энциклопедии отечественной морской истории – об этом периоде жизни Дмитрия Ильина говорится кратко: «Ежегодно находился в плавании в Балтийском и Немецком (Северном) морях».

Пройдя столь суровую, но необходимую школу флотской науки, получил Ильин, к тому времени ставший уже мичманом, под своё начало галиот «Кронверк». Дмитрий много плавал на нём. Выполнил несколько грузовых рейсов в Любек и Ревель.

В 1767 году совершил трудный переход вокруг Скандинавии в Архангельск: в одну сторону загрузились артиллерийскими припасами для новостроящихся кораблей, в обратную – сухой треской. Стояла глубокая осень, и Балтика непрерывно штормила. Чудом не сели на камни в Датских проливах, едва не разбились о скалы у Борнхольма. Последние мили до Кронштадта пробивались уже через ледяные поля.

Вернувшись, командир «Кронверка» узнал о начале русско-турецкой войны и о подготовке экспедиции русского флота в Средиземное море. Во главе эскадры был поставлен адмирал Спиридов. Ильин тогда временно исполнял должность на корабле «Екатерина», который в поход не шёл. Дело в том, что по возвращении «Кронверка» основные офицерские должности на уходящих в Средиземноморье кораблях были уже заполнены.

Что делать, когда хочется плавать, а тебя туда не взяли? Только идти просить того, кто может решить этот вопрос, авось и получится! Так поступил и мичман Ильин. Оделся поприличнее и пошёл к портовой конторе, где заседал адмирал Спиридов. Изложил свою просьбу адъютанту. Потом часа два сидел в приёмной. Наконец позвали. Спиридов сидел за столом и чиркал какие-то бумаги. Рядом с ним флаг-капитан Плещеев.

– Офицер корабля «Святая Екатерина» мичман Ильин! – представился мичман.

– Ну-с, с чем пожаловал? – поднял голову адмирал. – Не робей, мичман, выкладывай смело!

– Ваше превосходительство! – густо покраснев, отвечал Ильин.

– Горячо желаю быть в полезности Отечеству нашему в сей трудный для него час. Прошу оказать великую честь, зачислив в экспедицию.

– Он перевёл дыхание. – Всё!

Спиридов поглядел на Плещеева. Тот, полистав записную книжку, покачал головой:

– Вакансий нет!

Адмирал немного помолчал.

– Хорошо. Ступай! – Он махнул рукой, давая понять, что разговор окончен.

Лихо развернувшись на каблуках, так что шпага описала на отлёте приличный полукруг, Ильин вышел, печатая шаг, а потом долго бродил, сбивая ботфорты о брусчатку Кронштадта, силясь понять, что значили спиридовские слова.

Через сутки на линейном корабле «Святая Екатерина» огласили ордер, коим предписывалось назначить мичмана Дмитрия Ильина командиром мортирной батареи уходящего в плавание бомбардирского корабля «Гром».

Корабельному офицеру времени для сборов к новому месту службы надо немного. Вещей нажитых – раз-два и обчёлся.

В тот же вечер Ильин вкупе с другими определёнными в экспедицию офицерами давал в близлежащей от порта фортыне отходную. Скинув парики и отстегнув шпаги, пили бравые мореходы водку перцовую с вином красным, вспоминая прошлое, гадали о будущем.

Моряков всегда связывает между собой нечто большее, чем просто служба. На корабле все на виду. Радости и горести каждого становятся здесь общим достоянием, вызывая то шутки, то осуждение, то сочувствие.

– Кто знает, друзья, соберёмся ли ещё вместе! – обвёл глазами собравшихся друзей Ильин. – Так разопьём же прощальную братину!

Корабельная молодёжь искренне завидовала счастливым, более старшие просто радовались удаче товарищей.

Корабли эскадры по одному подтягивались в Среднюю гавань и грузились порохом. Бомбардирский корабль «Гром» невелик собою, всего в девяносто пять футов длиной, а шириной в двадцать семь. Полсотни матросов и пять офицеров составляют всю его команду. Для эскадренного боя корабль этот не приспособлен. Его дело – бомбардировать приморские крепости.

Ещё в конце семнадцатого века французы первыми установили на шаткую корабельную палубу тяжёлые мортиры для навесной стрельбы по берегу. Так был создан новый тип судна – бомбардирский галиот.

Главное оружие «Грома» – две огромные мортиры, что стоят на свинцовых поддонах, чтобы палуба при выстрелах не проседала. Палят мортиры эти будь здоров, да и бомбы бросают немалые, пудов на пять-шесть! Помимо мортир на случай нападения неприятельского корабля в море вдоль бортов ещё десятков шестифунтовых пушек расположено. На первый взгляд вроде бы и немного, но если капитан с головой, да команда лихая, этого вполне хватит, чтобы отбиться.

«Что ж, – решил мичман Ильин, добираясь попутной шлюпкой к стоявшему на рейде „Грому“, – будем считать, что мне повезло».

Взобравшись по штормтрапу на борт корабля, представился он капитану «Грома» лейтенанту Перепечину.

Иван Михайлович Перепечин был личностью на флоте известной. Славился капитан «Грома» двумя особенностями: пристрастием к пальбе бомбами и любовью к сказкам. Служителей своих по этой причине именовал он, в зависимости от настроения, то добрыми молодцами, то соловьями-разбойниками, корабль – Горынычем.

Нового командира мортирной батареи Перепечин встретил приветливо.

– Знакомься с Горынычем, добрый молодец, – сказал, руку пожимая, – денька два тебе на то определяю, и за дело!

Однако уже через час Ильин встал на погрузку. А спустя день заменил убывшего в столицу ревизора. Ему капитан корабля и поручил перечесать все погруженные припасы.

Захватив с собой матроса с фонарём, спустился Ильин в трюм. В лицо сразу же пахло затхлостью. В углах возились крысы.

– А ну-ка, подсвети! – Мичман с трудом пробирался среди завалов провизии.

Шедший сзади служитель поднял над головой фонарь. Серые твари разом смолкли, шмыгнув в стороны. Но ушлый матрос, изловчившись, всё же пнул одну из них вдогонку. Здоровенная крыса с облезлым хвостом, взвизгнув, отлетела далеко в сторону и исчезла во тьме.

– Эка сволочь, – пробурчал матрос, почёсывая босую ногу, – всё же, подлая, грызнула!

– Свети ближе! – Ильин принялся пересчитывать провизию.

Слева от прохода громоздились тяжёлые кули с овсяными крупами.

– Всего сто двадцать один пуд, – записал он, капая чернилами.

Далее шли дубовые бочки, перехваченные обручами, – там солонина. Рядом соль и масло, но уже в бочках дерева соснового. За ними внавалку гора пятипудовых мешков, в них мука, ржаные и пеклеванные сухари. Подле борта бочонки с красным вином, уксусом и сбитнем.

Из интрюма перешли в каюту шкиперскую. Там Ильин подсчитал сало и парусину, брезент и кожи. Оттуда сразу в крюйт-камеру.

Крюйт-камера на «Громе», как и на других небольших судах, была одна и располагалась в кормовой части, недалеко от камбуза.

У тяжёлой дубовой двери сдал мичман часовому ключи, отстегнул шпагу и снял башмаки. Сопровождающий его констапель вставил в особый фонарь сальную свечу, дно фонаря залил водой и, не торопясь, отпер дверь. В середине крюйт-камеры помещался обитый свинцом бассейн, туда перед боем ссыпали порох для набивки картузов. Вдоль стен на решётчатых полках были расставлены бочки с порохом и пороховой мякотью, разложены картузы, кокоры, фаль-шфееры и прочие артиллерийские снаряжения. Меж ними ящики с углём от сырости.

Покончив с крюйт-камерой, доложил Ильин капитану:

– Порох сухой и готов к действию. В каморе порядок добрый.

– Ну и ладно, – отвечал Перепечин, таким докладом довольный, – пора нам и откусать, чем Бог послал.

В тот день по приглашению офицеров капитан обедал в кают-компании. Похлебав супца и отодвинув в сторону оловянную тарелку, Ильин обратился к Перепечину:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.